ЛЮБОВЬ ТУИНОВА

GENS UNA SUMUS

ПЕРЕСТАНОВКА ХОДОВ

Шахматная семья

Рекурсивная композиция

Содержание

Позиция X. Чужое имя 4

Небесная запись 1 12

Позиция IX. Рокировка в вечность 13

Небесная запись 2 21

Позиция VIII. Право на паузу 22

Небесная запись 3 29

Позиция VII. Несделанный ход 30

Небесная запись 4 37

Позиция VI. Трое на подоконнике 38

Небесная запись 5 45

Позиция V. На разных досках 47

Небесная запись 6 55

Позиция IV. Другой фланг 56

Небесная запись 7 63

Позиция III. Полгода вне протокола 64

Небесная запись 8 71

Позиция II. Дверь «Гамбита» 72

Небесная запись 9 78

Позиция I. До первого хода 79

Небесная запись 10 83

Позиция 0. Перестановка 84

Позиция X. Чужое имя

Меня зовут не Виктор Шапиро.

Эта строка оказалась первым ходом, хотя была написана после всех остальных. Любовь прочла её, когда уже нельзя было поднять глаза и спросить. На столе лежало письмо; за стеной разбирали доски после мемориала. Партия закончилась. Только теперь выяснялось, какие фигуры в ней участвовали.

Она попробовала вспомнить начало — и увидела не вокзал, не Лондон, не знакомство. Увидела руку, державшую чёрную пешку. Память предложила идти от неё. Назад.

• • •

Когда отзвучали последние аплодисменты Первого мемориала Шапиро-Кроули и дети разъехались по домам, увозя с собой шахматные бланки с автографом Любови Туиновой, сама она заперлась в кабинете одесского Дома офицеров. Перед ней лежал конверт, найденный в квартире Шапиро среди старых партийных билетов, засушенных цветов и трёх запасных очков. На конверте корявым почерком Маэстро было выведено: «Вскрыть после первого мемориала. И только Любе. Остальным — чай и пирожки».

Любовь надорвала пожелтевшую бумагу и вытащила несколько листов, исписанных тем же почерком — но не старчески дрожащим, а твёрдым, почти каллиграфическим, каким пишут люди, привыкшие выводить буквы при свете керосиновой лампы.

«Люба, — начиналось письмо, — если ты читаешь это, значит, мемориал удался, Лиза не уронила флажок, а пирожки Беллы были с капустой, а не с картошкой. Теперь садись и слушай. Точнее, читай. Потому что я никогда не рассказывал тебе, кем я был на самом деле. И рассказываю только сейчас, когда мой король уже упал, а пешки разошлись по домам.

Меня зовут не Виктор Шапиро. Меня зовут Соломон Моисеевич Кроули. Да, Кроули. Как ты. И это не совпадение».

Любовь уронила лист, потом подняла, прижала к груди и прошептала в пустой кабинет:

— Этого не может быть.

Она вернулась к письму.

«Я родился в 1938 году в Бердичеве, в семье потомственного каббалиста. Мой дед, реб Хаим-Залман Кроули, был одним из последних хранителей тайной традиции, которая передавалась в нашем роду от самого Аризаля — великого Ицхака Лурии. Не смейся. Я знаю, ты выросла в Лондоне и Нью-Йорке, ты веришь в цифры, рейтинги и дедлайны. Но в нашей семье верили в буквы. В двадцать две буквы еврейского алфавита, которыми, как сказано в „Сефер Йецира“, Всевышний сотворил небо и землю. И ещё мы верили в шахматы.

Потому что шахматная доска — это Древо Жизни. Шестьдесят четыре клетки соответствуют шестидесяти четырём каналам мудрости. Белые фигуры — это сфирот правой стороны, Хесед и Нецах, милосердие и победа. Чёрные — Гвура и Ход, суд и величие. А король и ферзь — это Тиферет и Малхут, гармония и царство. Каждая партия — это процесс тиккун олам, исправления мира. И каждый шахматист, даже если он пьяный одесский мастер, даже если он не знает ни слова на иврите, участвует в этом исправлении. Просто он не догадывается об этом.

Мой дед учил меня каббале с пяти лет. К семи я знал наизусть „Зоар“. К десяти — мог составить камею для защиты от дурного глаза. К двенадцати — играл в шахматы так, что бердичевские старики качали головами и говорили: „Этот мальчик видит на десять ходов вперёд, а то и на десять жизней“. Но дед говорил иначе: „Соломон, ты должен выбрать. Либо ты станешь каббалистом и будешь сидеть в синагоге, перебирая цицит, либо ты пойдёшь в мир и будешь исправлять его через шахматы. Потому что каббала без действия — это мёртвая буква. А шахматы — это каббала в движении“.

Я выбрал шахматы. И тогда дед открыл мне главную тайну нашего рода».

Любовь перевернула страницу. Чернила здесь были другого цвета — синие, а не чёрные, словно Шапиро писал это в другой день или в другом состоянии духа.

«Фамилия Кроули не наша. Точнее, наша, но не совсем. По семейному преданию, мой пращур, реб Менахем-Мендл Кроули, учился в Лондоне у одного человека, которого мир знает как Алистера Кроули — оккультиста, мага, „самого порочного человека Англии“. Но правда, Люба, сложнее, чем кажется. И еврейского в ней больше, чем английского. Настоящий Кроули — не тот, о ком пишут бульварные газеты. Настоящий Кроули был каббалистом-отступником, который взял тайное знание и вывернул его наизнанку, сделав из святого — профанное, из Тиккуна — клипу, скорлупу. Он создал систему, которая работала, но вела не вверх, а вниз. И когда он умирал, оставленный учениками и мучимый демонами, которых сам же и вызвал, он позвал моего пращура и сказал: „Возьми мою фамилию. И сделай с ней то, чего я не смог. Верни её к свету“.

Пращур взял. И поклялся, что каждый первенец в роду будет носить имя Соломон — в честь царя, который умел разговаривать с демонами, но использовал их для строительства Храма, а не для разрушения. И каждый Соломон будет либо каббалистом, либо шахматистом. Потому что шахматы — это та же каббала, только без риска сойти с ума от непроизнесённого Имени».

Любовь оторвалась от письма и посмотрела на шахматную доску, стоявшую на столе. Чёрные и белые фигуры замерли в позиции, которую она оставила утром. Она вдруг увидела их иначе — не как деревянные игрушки, а как буквы, как сфирот, как каналы света.

«Я был Соломоном Моисеевичем Кроули до 1953 года, — продолжало письмо. — До смерти Сталина, до ареста деда, до

того, как фамилия Кроули стала опасной. „Английский шпион“, „космополит“, „сионист“ — ты знаешь этот набор. Дед умер в лагере. Мать, оставшаяся после войны одна, записала меня под фамилией Шапиро — девичьей фамилией бабушки. Так я стал Виктором Шапиро. Но внутри я оставался Соломоном Кроули. Я продолжал дело Тиккуна. Я исправлял мир через шахматы. И знаешь, как я это делал?»

Следующий лист был исписан особенно плотно, буквы прыгали, как будто писавший спешил высказать то, что копилось десятилетиями.

«Каббала учит, что в каждом человеке есть искры святости, упавшие в клипот — скорлупы материального мира. Задача каббалиста — найти эти искры и освободить их. Я находил их в женщинах. В проигравших, сломленных, забытых. В тех, кого мир списал в утиль. Рая — её искра была погребена под скукой, как под грудой песка. Белла — её искра тонула в хлорке и нищете. Лиза — её искра была почти погашена уличной грязью. Я не просто учил их шахматам. Я проводил с ними гиматрию их судеб. Я высчитывал числовое значение их имён, находил соответствующие сфирот и делал ходы, которые открывали каналы. Ты думаешь, это случайность, что все три стали тренерами и судьями? В каббале нет случайностей. Есть только партии, которые мы играем с Создателем, и Он всегда ходит белыми».

Любовь вспомнила, как Шапиро расспрашивал её о дне рождения, о месте, об имени матери. Она тогда думала, что старик просто сентиментален. А он вычислял её корень души.

«Когда я встретил тебя, Люба, я сразу понял: ты — Малхут. Царство. Ты та, через кого свет должен прийти в мир. Твоя школа, твой „Космополит“, твоё искусство продюсирования — это не бизнес. Это канал. И я должен был помочь тебе открыть его. Но я не должен был становиться твоим мужем. Потому что каббалист не имеет права привязываться к одной искре. Он работает со всем полем. Если бы я женился на тебе, я предал бы своё предназначение. И ты предала бы своё. Мы были бы счастливы, да. Но мир потерял бы тысячи спасённых детей, которые прошли через твои школы. Тиккун важнее личного счастья. Это мой главный урок. И мой главный долг».

За окном стемнело. Любовь зажгла лампу. Тени фигур на доске вытянулись, как буквы тайного алфавита.

«Теперь ты знаешь правду. Я не просто Виктор Шапиро, одесский мастер, ветеран, альтер эго. Я — Соломон Моисеевич Кроули, последний хранитель ветви, которая идёт от лондонского мага, но возвращается к Иерусалимскому храму. Я прожил две жизни. И обе — ради тебя. Ради тебя и ради них. И ради тех, кто ещё не родился, но уже стоит в очереди на Мемориал Шапиро-Кроули.

Когда ты будешь открывать следующий турнир, знай: я буду там. Не в виде духа, не в виде призрака — в виде буквы. Буквы „шин“, с которой начинается моё имя на иврите — Шломо. Для меня в ней сходятся и Шапиро, и шахматы, и Шхина — Божественное присутствие, которое, как говорят каббалисты, обитает в изгнании и ждёт, когда мы соберём её по кусочкам.

Ты соберёшь. Я знаю. Потому что ты — ферзь, прошедший всё поле. А ферзь в каббале — это Малхут, которая становится Кетером, когда достигает конца доски. Царство, которое становится Короной.

Я любил тебя. Люблю. Буду любить. Но не как мужчина женщину, а как шахматист — ферзя. Как каббалист — Шхину. Как буква „алеф“ любит букву „тав“, охватывая весь алфавит от начала до конца.

Прощай. Играй. И пусть твои ходы всегда будут кошерными.

Твой вечный партнёр, Соломон Моисеевич Кроули, он же Виктор Шапиро, он же никто, он же Маэстро».

Любовь сложила письмо. Потом разложила его снова. Потом встала, подошла к шахматной доске и сделала ход белым ферзём. Ферзь встал на клетку, которую в своей воображаемой карте она назвала Йесод — Основа. Канал, через который свет перетекает из высших миров в низшие.

— Ты был прав, Соломон Моисеевич, — прошептала она в пустоту. — Ты действительно видишь на десять ходов вперёд. Даже сейчас. Даже оттуда.

И в этот момент ей показалось, что три кактуса на подоконнике — Отец, Сын и Святой Дух — чуть шевельнулись, хотя в комнате не было ветра. А с улицы, с Дерибасовской, донёсся чей-то смех — такой заразительный, такой одесский, что Любовь невольно улыбнулась.

— Gens una sumus, — сказала она.

И ей ответила тишина. Но это была не пустая тишина. Это была тишина, полная букв. Двадцати двух букв, которые ждали, когда их расставят в правильном порядке, чтобы родилась новая партия. И новый мир.

• • •

Имя было названо, но объяснения не получилось. Можно подписать письмо другим именем — и всё равно остаться человеком, которого узнают по звуку шагов. Любовь прислушалась. Из прошлого доносился стук чашки о блюдце. Там он ещё был жив.